

Такие особенности приводят к активному проникновению элементов разговорного стиля в онлайн-публицистику и формированию единого межстилевого коммуникативного поля в рамках интернет-пространства.

Список литературы

1. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск, 2006.
2. Гайда С. Актуальные задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. 2015. №1. С. 11 – 22.
3. Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламе. М., 2009.
4. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М., 2013.
5. Клушина Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Мир русского слова. 2008. №4. С. 67 – 70.
6. Круглов А.С. Особенности сообщения как элемента коммуникативного взаимодействия в социальных медиа // Наука и мир. 2016. №2 (30). С. 149 – 152.
7. Кукса И.Ю. Оценочная лексика как компонент субъективной модальности в русской рукописной газете «Вести-Куранты» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 5 – 11.
8. Минемуллина А.П. Оценочные прилагательные в языке современных средств массовой информации : дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2015.
9. Попов А.В. Блоги. Новая сфера влияния. М., 2008.
10. Aichner T. Measuring the degree of corporate social media use // International Journal of Market Research. 2015. №57 (2). P. 257 – 275.

Об авторе

Александр Сергеевич Круглов – соиск., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: alexkruglov@bk.ru

About the author

Alexandr Kruglov, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: alexkruglov@bk.ru

УДК 811.161.1/.162.1

М. В. Зрелова

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ (на материале польского художественного текста)

Рассмотрены средства выражения аргументации в художественной литературе на судебную тематику. В таких текстах тезисы и аргументы к ним содержатся нередко в имплицитной форме, что подчеркивает особенность функционирования судебной аргументации. Кроме

того, аргументативная функция, интегрированная в художественный дискурс, совмещается с эстетической функцией, что позволяет аргументации служить средством создания художественного образа того или иного персонажа.

This article is devoted to the means of presenting argumentation in literature focusing on judicial matters. In such texts, theses and relevant arguments are often in an implicit form, which emphasises the particularities of the functioning of judicial reasoning. In addition, the argumentative function, which is integrated into the discourse, is combined with the aesthetic function and thus it can serve as a means to create the literary image of a character.

Ключевые слова: аргументация, прагматика, риторика, когнитивный подход, судебный дискурс, художественный дискурс, обвинительная речь прокурора.

Key words: argumentation, pragmatist, rhetoric, cognitive approach, judicial discourse, literary discourse, prosecutor's speech.

Для современной лингвистики характерен когнитивный подход к исследованию различных типов дискурса, и в особенности — прагматически ориентированных. В рамках новой дискурсивно-когнитивной парадигмы, представляющей собой особую интеграцию двух ведущих парадигм современности — когнитивной и коммуникативной [7, с. 5], мы рассматриваем дискурс, вслед за Е. С. Кубряковой, как особое коммуникативное событие, «сложное единство языковой формы, знания и действия», как явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний [7, с. 12].

Традиционным является взгляд на судебный дискурс как на разновидность юридического, рассматриваемого в качестве совокупности текстов, объединенных общей тематикой (закон, право, правовые отношения) и имеющих единую концептуальную основу (закон, право) [14, с. 125]. Сферой формирования и функционирования судебного дискурса принято считать зал суда, что дает нам основания, придерживаясь терминологии И. В. Карасика, определить юридический дискурс как вид институционального дискурса, «представляющего собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [12, с. 10]. Таким образом, судебный дискурс — это и коммуникативная деятельность, направленная на регулирование социальных отношений, решение спорных юридических ситуаций [10, с. 3].

Безусловно, без таких фундаментальных понятий теории аргументации, как доказательства, эмпирически установленные суждения, обоснования и убеждения, немислим ни один судебный процесс, но юридическая аргументация не сводится только к логике, рациональной форме убеждения, также не меньшую роль играют психологические и прагматические факторы [3, с. 22–26], особенно если речь идет об аргументации в художественном тексте. Соответственно, при построении юридической аргументации необходимо учитывать такие прагматические аспекты, как ориентацию на адресата, обеспечение приемлемости и понятности аргументов и процедуры вывода [3, с. 59]. Именно ауди-

тории принадлежит ведущая роль в определении качества аргументации и поведения оратора, и в аргументации существенно не то, что сам оратор полагает истинным и доказательным, а то, каково мнение тех, к кому он обращается [4, с. 46]. Следовательно, фактор адресата обуславливает целенаправленный набор аргументов, стратегию аргументации и языковую форму ее выражения [6, с. 171].

Как справедливо отмечает А. В. Канафьева, «иллокутивные функции речи судебных ораторов различны» [11, с. 32]. Одни поддерживают обвинение перед судебными органами, другие находят аргументы, чтобы оправдать обвиняемого. Каждый достигает конечной цели своим путем, «используя богатейший арсенал экспрессивных языковых средств» и свой набор аргументов, «направленных на обеспечение суггестивности (действенности) речи» [11, с. 32].

В сфере юридической практики весьма активно используются как логические, так и внелогические (лингвистические, риторические, эмоционально-психологические и иные) методы и приемы убеждающего воздействия [13, с. 30]. Следовательно, наряду с прагматическими и логическими аспектами ведущую роль в юридической аргументации играют риторические.

В качестве теоретической базы нашего анализа будем использовать системную модель аргументации, разработанную В. Н. Брюшинкиным, которую он определяет как «модель аргументации, соединяющую в себе логический, когнитивный и риторический подходы» [2, с. 140–141].

Согласно ученому, аргументация является «актом коммуникации, в котором некоторый субъект сознательно производит изменения в системе убеждений другого субъекта путем обоснования или опровержения убеждений» [2, с. 141–142], а так как аргументация – это еще и «умственная деятельность субъекта... то осуществление аргументации есть преобразование *умственных* действий в *речевые* действия» [1, с. 20].

Отметим, что в случае с художественной речью следует говорить не об аргументации как таковой, с которой связывается, прежде всего, логическая составляющая коммуникативного процесса, а об убеждающем общении. Иными словами, как указывает И. Д. Копцев, убеждающее общение, в отличие от чисто аргументативного, предполагает наличие автосемантических форм речи, с помощью которых формулируется то, что затем становится предметом речевого акта убеждения, т. е. аргументации [6, с. 172].

Наше исследование посвящено анализу особенностей аргументативной судебной речи, заключенной в художественный дискурс, а это значит, что аргументация как интеллектуально-речевая деятельность субъекта тесно смыкается с эстетической функцией языка и «служит здесь средством создания художественного образа того или иного персонажа» [6, с. 170]. Следовательно, языковые средства будут отражать специфику двух дискурсов – художественного и включенного в него судебного, представленного в тексте речами прокурора и адвоката и решением судьи.

Рассказ «Со взломом» («Z włamaniem») польской писательницы Марии Конопницкой (1842–1910), посвятившей часть своего творчества

проблемам деревенской жизни и городской бедноты, представляет собой благодатный материал для исследователя, так как описывает судебное заседание, где разбирается дело маленьких пастушат, которых голод сделал «злоумышленниками»: они украли и съели сыр и масло, но не притронулись к хлебу. Судьи смотрят на этот факт иначе: значит, не настолько были голодны, чтобы воровать. «Кража со взломом» — квалифицирует суд «преступление» детей и в соответствии с этим выносит суровый приговор [8, с. 227 — 228].

Художественный аргументативный текст на юридическую тематику имеет ту особенность, что содержащиеся в нем тезисы и аргументы нередко остаются имплицитными, так что аргументативную структуру приходится реконструировать. Это обусловлено особенностями построения и коммуникативного развертывания художественного текста вообще, а в частности — его особым стилем, который обычно определяется как повествовательный, но осложнен такой формой речи, как рассуждение.

Учитывая принцип состязательности сторон, присущий любому судебному процессу, обратим внимание на то, что дискуссионный характер взаимодействия прокурора и адвоката и, соответственно, их аргументация, которая в сфере судопроизводства регламентирована законодательством, совершается не с целью достижения истины, а целью доказательства виновности или невиновности обвиняемого в преступлении.

Проанализировав содержание художественного произведения на предмет наличия в нем аргументативной составляющей и выявив коммуникативно-прагматические особенности построения речи прокурора и стилистическую функцию используемых автором произведения языковых средств, мы пришли к следующим выводам.

1. Аргументы подаются в коммуникативно-речевой форме сравнения или проведения аналогии: «*Drobne przestępstwa jak drobne szczepy. Z drobnych szczepów wyrastają drzewa, a z drobnych przestępstw zbrodnie*» [16, s. 68] — «Мелкие проступки **одно и то же, что маленькие веточки, которые употребляют для прививки. Как из веточек вырастают деревья, так из маленьких проступков рождаются большие преступления**» [15, с. 8].

2. Риторический вопрос формулирует цели оратора в конкретном процессе, определяет задачу, стоящую перед ним: «*Cóż to jest przestępstwo małe, a co jest przestępstwo wielkie?*» [16, s. 68] — «**Что же такое, разберем, малое преступление и что такое большое преступление?**» [15, с. 8]. Вопросительная интонация позволяет более экспрессивно определить проблему судебного заседания и способствует установлению психологического контакта между коммуникатором и адресатом [9, с. 52].

3. Аргумент в форме суждения с причинно-следственной логической связью и оптативной модальностью высказывания, который можно назвать аргументом от должного и желаемого положения дел в сфере правосудия, а также аргументы от личного профессионального и жизненного убеждения и опыта являются скрытыми. Эксплицитная информация в этом случае вводится с целью более интенсивного воздействия на аудиторию. Высказывание *Если бы правосудие чаще уничтожало первые зародыши преступлений, зараза порока не распространялась бы*

на целые массы с такой роковой и неудержимой силой предполагает пресуппозицию *За мелкие проступки правосудие не наказывает, и это вредит обществу. Во избежание этого надо наказывать преступников ради их же спасения.* Данная пресуппозиция присутствует в следующих аргументах, поддерживающих первое суждение: «*Przestępca w czas ukarany to często ocalony człowiek, ale za późno jest sięgać po głowę naznaczoną haniebnym piętnem win niezmytych i niepowetowanych*» [16, s. 68] — «Преступник, наказанный вовремя, это — человек почти спасенный, но поздно будет **вырывать его из когтей порока**, когда он уже занял себя позором несмытых и неотомщенных преступлений» [15, с. 8].

Таким образом, речь прокурора построена по структуре сочинительной аргументации (когда каждый из доводов, взятый в отдельности, недостаточен для доказательства тезиса). Аргументы при этом зависят друг от друга, и последующий исключает возражения против предыдущего и подкрепляет его.

Словами-индикаторами сочинительной аргументации в польском языке послужили устойчивое сочетание *ten sam* и его форма среднего рода с усилительной частицей *-ż (że)* — *toż samo*, союз *gdyby* (если бы), а также речевые клише, присущие правовой сфере, — *targnięcie się na prawo* (посягательство на закон), *zamatach na porządek społeczny* (нарушение общественного порядка). Риторическими средствами в приведенных примерах являются метафоры и олицетворения.

4. В польском языке инверсия в пассивной конструкции акцентирует внимание на имеющемся факте. «...*Owszem, zamknięcie samo uszkodzonym zostało*» [16, s. 69] — «...Причем самый замок оказался поврежденным» [15, с. 9].

5. Аргумент от вещественного доказательства является паралингвистическим. Он характерен именно для ситуации судебного разбирательства, поскольку обладает наибольшей перлокутивной силой и доказательностью: «*Oto leży przed wami, panowie, dowód niezbity ich winy! Oto owo narzędzie występku, które dopomogło oskarżonym do spełnienia jednego z najśmielszych przewinień, jakie przewiduje prawo*» [16, s. 69] — «Перед вами, господа, **неопрровержимое доказательство их виновности!** Вот то орудие преступления, которое помогло обвиняемым совершить один из наиболее смелых поступков, какие предусмотрены законом» [15, с. 9].

Интересно, что данный аргумент образует кульминационную точку обвинительной речи прокурора. Это говорит о том, что подача аргументов в художественной прозе специально выстраивается в определенной последовательности с целью «нагнетания» драматизма повествования.

6. Помимо сочинительной аргументации используется и подчинительная, в контексте которой аргументы поддерживают друг друга дополнительными доказательствами.

В языке это выражается употреблением эмоционально окрашенных эпитетов: *bezprawie jest tak występne i potępiania godne* (беззаконие так ужасно, так возмутительно), *dowód niezbity* (неопрровержимое доказательство), *jedno z najśmielszych przewinień* (один из наиболее смелых поступков), *dali dobitny wyraz słusznemu oburzeniu waszemu, oburzeniu całego społeczeń-*

stwa (выразить свое справедливое негодование от лица всего общества); метафоры: *zwroćenia przeciw nim całego ostrza karzącej sprawiedliwości* (направит против них меч карающего правосудия). Кроме экспрессивной лексики прокурор использует и экспрессивный синтаксис — восклицательные предложения, повторы. Так что следует констатировать, ссылаясь на И. Д. Копцева, что экспрессивность выражения является дополнительным средством усиления аргументации в судебной речи, заключенной в художественном тексте [5, с. 47].

Анализ речи обвинителя из рассказа М. Конопницкой позволяет заключить, что аргументативная речь судебного оратора обладает спецификой, связанной с особенностями судебного дискурса. Являясь дискурсом институциональным, он предполагает использование таких фигур, как речевые клише с включением юридической терминологии, риторические вопросы, восклицания, повторы, тропы (метафоры, эпитеты, олицетворения). Кроме того, аргументативная речь становится средством, с помощью которого автор художественного текста постепенно усиливает композиционную, коммуникативную, логическую, иллюкативную, когнитивную, экспрессивно-прагматическую выразительность и драматизм повествования. Иными словами, аргументация в художественном тексте выступает, кроме всего прочего, и как фактор текстуальности. При этом приведение содержания речи прокурора к стилистически нейтральной тезисно-аргументативной форме позволяет лучше видеть особенности языкового выражения обвинительного рассуждения, выражающие пафос этой речи.

Список литературы

1. Брюшинкин В. Н. Когнитивный подход к аргументации // Модели рассуждений — 3: когнитивный подход : сб. науч. ст. Калининград, 2010. С. 9–27.
2. Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика : труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений. Калининград, 1999. С. 137–160.
3. Демина Л. А. Теория и практика аргументации : учеб. пособие. М., 2014.
4. Кащей Н. А. Современная риторика как методология убеждения // Вестник Новгородского государственного университета. 2012. №67. С. 45–48.
5. Копцев И. Д., Кутдинова Н. В. Аргументация в художественном дискурсе (на материале романа Т. Манна «Будденброки») // РАЦИО. ru. 2013. №9. С. 40–55.
6. Копцев И. Д., Кутдинова Н. В. К прагматике аргументативной речи в художественном дискурсе (на материале романа Т. Манна «Будденброки») // РАЦИО. ru. 2013. №11. С. 168–186.
7. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. М., 2000. С. 5–13.
8. Леонова Е. А. Польская литература конца XIX — начала XX века // История зарубежной литературы (Вторая половина XIX — начало XX века). Минск, 1997. С. 201–232.
9. Миньяр-Белоручева А. П., Быкова А. А., Коробова Е. А. Принципы построения американской судебной речи XIX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2010. Вып. 10. №1. С. 51–56.

10. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2012. С. 137–143.

11. Канафьева А. В. Прагматика риторического высказывания в судебной речи // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2009. С. 32–35.

12. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.

13. Толстик В. А. Специфика аргументации в юридической науке // Юридическая техника. 2013. №7, ч. 1. С. 28–35.

14. Устинова К. А. Институциональные признаки судебного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60, №33. С. 125–127.

15. Конопницкая М. Со взломом / пер. с польск. М. Троповской. М., 1906.

16. Koнопницка М. Z włamaniem. URL: <http://literat.ug.edu.pl/~literat/mariakon/004.htm>

Об авторе

Маргарита Валерьевна Зрелова – преп., Калининградский пограничный институт.

E-mail: libra_05@mail.ru

About the author

Margarita Zrelova, Lecturer, Kaliningrad Border Institute.

E-mail: libra_05@mail.ru